

Агата САФАРЯН

“Университет Месроп Маштоц”,

старший преподаватель кафедры иностранных языков

e-mail: agata2840@mail.ru

ЭКСПЛИКАЦИЯ АРХЕТИПА «ДЕМОН» В ЯЗЫКОВОМ И ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ

Статья посвящена проблеме отражения в языковом сознании архетипических представлений о демонах. Вера в демонические сущности прослеживается в первобытном обществе, где они воспринимались носителями как злых, так и добрых начал, сосуществующими с человеком. Анализ лексикографической информации показал, что негативный признак в восприятии демонов доминирует и находит еще большее расширение в художественных текстах. В статье посредством анализа языкового и текстового материала, с применением различной методики анализа когнитивных феноменов раскрывается структурно-содержательный потенциал архетипа “Демон”.

Ключевые слова: архетип, архетип “Демон”, бессознательное, языковое сознание, феири, матрица, признак, анализ.

A. Safaryan

THE EXPLICATION OF THE «DEMON» ARCHETYPE IN LANGUAGE AND TEXT MATERIAL

The article is devoted to the problem of reflection of archetypal ideas about demons in the linguistic consciousness of. Faith in demonic creatures can be traced in primitive society, however, demons were thought to be evil and good creatures, coexisting with a person and predetermining his fate. The analysis of lexicographic information suggests that the negative aspect in the perception of demons dominates, and reveals even greater expansion in fiction. The article, through the analysis of linguistic and textual material, applying different techniques, allows to reveal structural-meaningful potential of the «Demon» archetype.

Keywords: archetype, «Demon» archetype, unconscious, linguistic consciousness, fairies, matrix, feature, analysis.

Ա. Սաֆարյան

**ԴԵՎ ԱՐՔԵՏԻՊԻ ՄԵՎԼՈՒԹՅՈՒՆԸ
ԼԵԶՎԱԿԱՆ և ՏԵՔՍՏՍԱՅԻՆ ՆՅՈՒԹԵՐՈՒՄ**

Հորվածը նվիրված է լեզվական գիտակցության մեջ արտացոլված դերի արքետիպային պատկերացումների խնդրին: Դիվական ուժերի նկատմամբ հավատը բնորոշ էր դեռևս նախնադարյան հասարակությանը: Այդ ուժերն ընկալվում էին թե՛ որպես չարի և թե՛ որպես բարու սկիզբ՝ մարդու գոյությանը զուգահեռ: Բառագիտական տեղեկույթի վերլուծությունը հավաստում է, որ դիվական ուժերի ընկալումներում բացասական հատկանիշը գերակայում է, և այն ավելի ընդլայնված դրսևորվում է տեքստերում:

Հորվածում տեքստային և լեզվական նյութերի վերլուծության միջոցով ճանաչողական ֆենոմենի քննության տարբեր եղանակների կիրառմամբ բացահայտվում են Դև արքետիպի կառուցվածքախմբային առանձնահատկությունները:

Բանալի բառեր՝ արքետիպ, Դև արքետիպ, անգիտակցական, լեզվական գիտակցություն, փերի, մատրիցա, բնորոշ գիծ, վերլուծություն

Введение

Повышенный интерес к проблемам отражения в языковом сознании архетипических представлений этноса способствовал активной манифестации термина «архетип» в научном дискурсе. Являясь довольно гибким термином и имея множественную аппликативность, «архетип» во всех своих проявлениях всегда соотносим с «первообразами» [1, с. 13]; «общей основой», отсылающей к глубинным слоям психики всех homo sapiens [4, с.10]. За понятием архетипа всегда скрывается константная модель, схема, служащая основой для его дальнейших вариаций.

Переживания кризисных и проблемных ситуаций в массовом сознании провоцируют процесс оживления и воплощения того или иного архетипа [7, с. 149]. Это замечание Юнга можно справедливо отнести к архетипу «Демон», который будучи неотъемлемым и достаточно динамичным компонентом коллективного бессознательного, активно «реагирует» на все изменения в культурно-языковом пространстве.

На ранних этапах зарождения цивилизации возникла вера в сущности, оказывающие благоприятное или негативное влияние на человека. Вера в добрых и злых духов обнаруживается в воззрениях различных народов: у славян *анчутка* (злой дух) – *берегини* (добрые духи); у китайцев *гуй* (злой дух) – *шэнь* (добрый дух); у армян *чарки*, *алы* (злые духи) – *пай*, *мардапай* (духи-хранители) [8, с. 75, 282, 1085]. Амбивалентность в традиции англичан прослеживается в поверьях о добрых (*brownie*, *boggard* и др.; опекуны бань, сокровищ, церквей – *bath fairies*, *Leprechaun*, *Church Grim*) и злых фейри (водные духи – *kelpie*, *mermaids* «морские девы», *merman* «морские мужи») [9, с. 149]; [10, с. 201, 268, 244].

Представления о сверхъестественном актуальны на каждом этапе изменений культурной парадигмы, в частности, в период развития христианского учения. В особенности данное замечание справедливо по отношению к средневековым учениям, в которых дохристианские идеи о добрых и злых духах получили вторичное осмысление. Мифы, легенды, предания, языческие ритуалы и сверхъестественные существа, всячески осуждавшиеся церковью как высшим институтом духовной власти, в то же время не подвергались отрицанию: как справедливо заметил Р. Назиров,

«церковь канализировала народное мифотворчество, направив его в сферу демонологии» [3, с. 155–156]. Такие процессы способствовали оживлению архетипа «Демон» и активной экспликации его негативного аспекта в языковом континууме.

С целью показать лингвистические механизмы этого процесса нами был проведен анализ языкового и текстового материала (роман М.Г.Льюиса «Монах») и выделен ряд когнитивных признаков архетипа «Демон», осознанных человеком и отображенных в структуре архетипа как элементы его содержания.

Методика анализа

Анализ архетипа строится по принципу ядро-периферия, где значение ядра формируется значением основных лексем номинантов, в то время как периферия рассматривается посредством когнитивно-матричного анализа художественного материала

Ядро определяется посредством анализа лексического материала, с привлечением *компонентного анализа*, посредством анализа лексемы-репрезентанта (ключевой лексемы) и вычленения набора семантических признаков, послуживших базой для последующей когнитивной интерпретации, этимологического анализа, дефиниционного анализа.

Положение Н.Болдырева о «необходимости выявления соотношения и взаимодействия языковых единиц и лежащих в их основе структур знания» [2, с. 24], считаем необходимым в вычленении когнитивных признаков исследуемых архетипов в художественном континууме. Опираясь на фактический материал – художественные произведения – мы попытаемся смоделировать периферию архетипа при помощи анализа компонентов, структур, их взаимосвязей а также содержания.

С этой целью нами планируется провести *когнитивно-матричный анализ* архетипа «Демон» в произведении британского писателя М.Г.Льюиса «Монах», позволяющего выявить и описать **“системы взаимосвязанных когнитивных контекстов”** [2, с. 47], положенных в основу формирования значений языковых единиц, репрезентующих архетип. Иными словами содержание архетипа раскрывается посредством сопряжения с определёнными областями знаний.

Семантический анализ значения основных лексем-номинантов архетипа «ДЕМОН». Архетип «Демон» представлен ключевой лексемой – *«demon»*. По данным электронных этимологических словарей *«demon»* появляется в среднеанглийском в 1200-1300 от лат. *daemon* 'дух' < греч. *daimon* «божество, божественная сила», вдохновитель, охраняющий божество' < праиндоевр. *daimon «распорядитель судьбами». Однако мы позволили себе немного углубиться в этимологию данной лексемы, выявив, что *daimon* восходит к корню *da – «делить, разделять» и “*mon*” – “один, единственный”. Сочетание *da-mon* позволяет предположить, что демон, несмотря на отсутствие данного определения в этимологии все же выражает идею “лишения целостности”, “разъединения души”, ввиду чего демоны могли рассматриваться как *сущности*, несущие в себе как положительный, так и отрицательный потенциал.

Анализ данных основного значения лексем проводится посредством дефиниционных словарей: (CED), (OALD), (Col.Dict), (MacMillan). В ходе анализа выявлено, что общей семой для лексем *demon, demoness, devil, fiend, imp, Satan, Lucifer, Mephistopheles, Old Nick* (юмор.), *incubi, succuba, ghoul, hag* (устар.), *lamia* является сема «злой дух»-*evil spirit* являющаяся основной и формирующая общее представление об архетипе «Демон».

Дальше следует категоризация по некоторым дифференциальным признакам: «ангельская сущность»- *the angel, the rebellious angel* в лексемах **Lucifer, Satan**; признак «вымышленность» присутствующий в **devil, Old Nick, Mephistopheles, lamia, ghoul** - *religious beliefs.; in many religions; believed in folklore; believed to...; imaginary creature*; признак «иерархия» состоит из компонентов «главный дух» –

devil, Satan, Lucifer, Old Nick, Mephistopheles – chief spirit, the supreme spirit of evil и “малый дух” – **imp** – a little devil, посредством которых выражаются отношения доминирования и подчинения среди демонов. Признак «гендерная принадлежность» далее категоризируется на «мужской дух» – **incuba** – male evil spirit – «женский дух» – **demoness, succubae, lamia, hag**, female evil spirit. Компонент «влияние на субъект» разложен на «соблазнитель», который дальше субкатегоризируется на «соблазнитель мужчин» – **succuba** – had sex with sleeping men и «соблазнитель женщин» – **incubi** – have sexual intercourse with sleeping women; «истязатель» – **devil, Satan** – tormentor и «канибал» (поедатель трупов) **ghoul, lamia** – robs graves, eats dead people. Дифференцирующий признак «противник Бога» представлен в **devil, Satan, Lucifer, Mephistopheles, Old Nick** – the adversary of God, the enemy of God и компонентом «правитель ада» - **Devil, Lucifer**- the ruler of hell.

Проведенный семантический анализ словарных дефиниций лексем (см. табл.1), позволяет выделить ядро, куда входят интегральная или общая сема «злой дух» и дифференциальные денотативные семы «вымышленность», «иерархия», «гендерная принадлежность», «влияние на субъект», «посланник ада».

Таблица1.

Сема лексема	сущность /злой дух сила/	ангельская сущность	вымысел (плод фантазии/ религиозных верований)	иерархия		гендерная принадлежность		влияние на субъект			противник Бога	правитель ада	
				главный	малый	мужской	женский	соблазнитель		истязатель			канибал
								мужчин	женщин				
demon	+												
demoness	+						+						
devil	+		+	+					+		+	+	
fiend	+												
imp	+				+								
Lucifer	+	+		+							+	+	
Satan	+	+		+					+		+		
Old Nick	+		+	+							+		
Mephistopheles	+		+	+							+		
incuba	+					+		+					
succuba	+						+	+					
lamia	+		+				+			+			
ghoul	+		+							+			
hag	+						+						

Архетип «Демон» в пространстве художественного произведения

Одним из первых английских романов, в которых нашло отражение инфернальное зло, является роман М.Г. Льюиса «Монах» (1796)¹, в котором повествуется об искушении демоном настоятеля церкви Капуцинов – монаха Амбросио. Став жертвой демонического воздействия, Амбросио отходит от церкви, заключает сделку с Дьяволом и становится одержимым своими необузданными страстями.

Задачей автора является максимальное сближение образа монаха с образом демонического персонажа, ввиду чего мы видим в образе монаха отпечаток инфернального мира. Одним из очевидных признаков демонизации героя является его **одержимость**. Разум Амбросио подчинен роковой необузданной страсти – сластолюбию/*lust* – изо дня в день пожирающей его душу и стягивающей его в инфермальную бездну. Желание погрузиться в мир чувственных наслаждений постепенно перерастает в одержимость, а сам монах превращается в злодея. Примеры ниже содержат эпитеты, наделяющие страсть и желание монаха такими качествами как “неуправляемость”- *ill-regulated, unbridled*, “свирепость”- *fierce*.

He would have given worlds had He possess them, to have restored to her that innocence of which *his unbridled lust* had deprived her. (1, 42) He longed for the possession of her person; and even the gloom of the vault, the surrounding silence, and the resistance which He expected from her, seemed to give a fresh edge to *his fierce and unbridled desires*. (3, 199);

Отметим, что выбор предиката *devour/пожирать*, показывает насколько огонь сластолюбия распалился в сердце монаха, что он жадно взглядом впиается в жертву.

He remained for some moments *devouring those charms with his eyes* which soon were to be subjected to *his ill-regulated passions* (3,43);

Синтаксически посредством перечисления хаотичных действий монаха, таких как *pace/расшигивать, dash/бросаться, howl/выть* автор добавляет чувство напряжения, как самому монаху, так и читателю. Повсеместно стоит обратить внимание на эпитет *impotent fury* и метафору *all the transports of rage and madness*. Атрибут *impotent* в коллокации с *fury* переносит функцию беспомощности и бессилия на ярость, которая ест монаха изнутри; пример ... *all the transports of rage and madness* по аналогии со средствами передвижения приобретают свой маршрут, некий набор хаотических движений, которые характеризуют приступы ярости и безумства, ввиду чего он с одной стороны он старается сдерживать свой гнев, с другой будто сумасшедший истребляет все, что стоит на пути:

... He *paced the chamber with disordered steps, howled with impotent fury, dashed himself violently against the walls, and indulged all the transports of rage and madness*. (2, 253)

С тем чтобы показать неистово-демонический характер монаха в романе раскрывается признак **жестокость**. Этот признак проявляется в поведении, облике монаха посредством эпитетов, приписывающих ему такие свойства как суровость, сердитость, свирепость, острота: *stern, angry, fiery, penetrating, fury*.

As soon as He had finished, Ambrosio bent *an eye stern and angry* upon the imprudent Nun. (1, 88) Still there was a certain *severity in his look* and manner that inspired universal awe, and few could sustain *the glance of his eye at once fiery and penetrating*. (1,23) Antonia trembled at the *fury of his countenance*... (3, 197) He quitted her, and *paced the dungeon with a wild and disordered air* ... (3,117)

---

¹ Роман относится к периоду готического течения в литературе, когда в центр конфликта ставится столкновение сил Добра и Зла в масштабе человеческого бытия, а герой выступает как воплощение трагической схватки вечно противоборствующих начал. Ключевым аспектом готического романа является его эмоциональный потенциал, посредством которого он манипулирует сознанием человека, вызывая страх, сопряженный с отвращением, либо страх, притягивающий и заставляющий листать страницу за страницей [6, с. 17]

Выделим наречие *violently* придающее действия монаха свирепости и дикости. Так, в примере He *violently grasped* Antonia's arm, and *spurned the earth with delirious fury* (3,117) ; можно обратить внимание на то, что наряду с наречием *violently* предикаты действия *grasp/схватить* и *spurn/оттолкнуть* уже содержат сему интенсивности и предполагают довольно беспокойный характер действия.

Многочисленны примеры перечислений, содержащих лексемы с ярко выраженным отрицательным оценочным значением в именовании монаха: *лицемер, насильник, предатель, отцеубийца, жестокий* и др. Он будто олицетворение всех смертных грехов, тех грехов, в которых он обличал людей. Все данные лексемы становятся контекстными синонимами, объединёнными мотивом распада личности, которым характеризуется монах.

That you may proclaim me *an Hypocrite, a Ravisher, a Betrayer, a Monster of cruelty, lust, and ingratitude?* (3,198) Have you not made me a *perjured Hypocrite, a Ravisher, an Assassin!* (3,199)

Сюжетная линия романа, вбирающая в себя представление о темных сторонах человеческой природы вовлекает представление об аде как о месте, куда отправляются души грешных людей. Двуличный лицемерный монах Амбросио по авторской задумке подлежит отправлению в ад, именно поэтому как нам кажется, в романе присутствует отправление к данному месту. Повествование изобилует описаниями ада, и автор постоянно напоминает читателю о нем лексемами *hell, perdition, purgatory*, а также многочисленными метафорическими описаниями.

Можно обратить внимание как изменяется значение слова *Hell* / ад в *Hell's agency*, где наблюдается метонимическое использование *Hell*-места вместо субъектов – существей, обитающих в аду: Cease then to persuade me, for I dare not *employ Hell's agency*. (2,260)

Сопряжение лексем *perdition* “наказание” и *purgatory* “чистилище” с адом осуществляется на основе религиозных верований. Лексема *perdition* в сопряжении с *endless, eternal*, ровно как и лексема *purgatory*, формирует представление о вечном наказании, о вечных мучениях страданиях души. Принимая к сведению тот факт, что *perdition* и *purgatory* более присущи религиозному дискурсу, мы отчетливо видим, что в романе данные лексемы отражают взаимосвязь религиозного аспекта на душу человека и наказания за грехи, в чем усматривается сопряжение с адом:

...nothing could save me from *eternal perdition* but punishing my guilt with the utmost severity. (2,203) ...You have *doomed yourself to endless perdition*; (2,259) Doubtless, it proceeds from some *Soul in pain, who wishes to be prayed out of purgatory*:(3,97).

Можно предположить, что именно религиозные воззрения об аде как о бездне с вечно горящим пламенем сказались в описании ада в романе. Ввиду этого отметим, что ад в романе представляется метафорично в виде пропасти, извергающей пламя, что предполагает его нахождение в недрах земли и указывает на невозможность возвращения. ...The Lamps were extinguished, the Altar sank down, and in its place appeared *an abyss vomiting forth clouds of flame* (1,42);

Так же можно отметить, что автор расширяет образную сторону ада за счет вовлечения нескольких наименований ада в одном отрывке. Так изначально обозначив ад лексемой *Hell*, он далее заменяет на *eternal perdition*, а позже включает метафорическое описание *a gulph of devouring flames*, представляя ад в виде залива с обжигающим пламенем, чем достигается восприятие не только некоего абстрактного понимания ада как места мучения душ, но усиливается его визуальная сторона.

Open your eyes, Ambrosio, and be prudent. *Hell is your lot*; You are *doomed to eternal perdition*; Nought lies beyond your grave but *a gulph of devouring flames*. (3,286)

Смерть пронизывает все пространство романа. С одной стороны, рассеивая в произведении различную кладбищенскую атрибутику, автор старается воздействовать на воображение читателя и позволить ему оказаться сопричастным ко всему ужасу на страницах романа. С другой стороны, ввиду того, что центральной концепцией романа

является мотив о духовной смерти монаха, насыщение повествования атрибутикой смерти изначально настраивает читателя на нужный лад.

Повсюду в романе обнаруживаются символы смерти: разлагающиеся тела: Here amidst these *lonely Tombs, these images of Death, these rotting loathsome corrupted bodies!* (3,198) By the side of *three putrid half-corrupted Bodies* lay the sleeping Beauty (3,194) кладбища, могилы, черепа, кости: Admit me into *the burying-ground* at midnight (2,182) ; She unlocked the low Door, and entered *the Cemetery*. (3,131) подземные проходы, подвалы: She opened the wicket and sought for the door leading to the *subterraneous Vaults*, where reposed the *mouldering Bodies* of the Votaries of St. Clare (2,188) и др.

Смерть, словно некий невидимый актер в романе создает фон, который либо передает ощущение крайнего беспокойства, либо соотносит мир живых с миром мертвых. Так в примере ниже, говорящий словно ощущает приход смерти, ему все хуже и хуже и он уже смиренно ждет процесса своего отправления в мир мёртвых:

Death advanced towards me with rapid strides, and I expected that every succeeding moment would be that of *my dissolution*....(3,237);

В примере ниже смерть также получает метафорическое осмысление, т.к. она сопряжена с очень сильным чувством страха перед ней. Эвфемизм ... *blood ceased to circulate in* ...показывает, что состояние ужаса крайне близко к смерти, что каждый звук настолько ужасающий и пугающий будто передает слова, нашептанные смертью.

As He listened to the first stroke, the *blood ceased to circulate in the Abbot's veins*: He heard death and torture murmured in each succeeding sound. (3,299)

Концепция романа предусматривает погружение читателя в ужасающие, зловещие обстановки. Атмосфера **ужаса** пронизывает все пространство романа, и как нам кажется, может по праву считаться одним из важнейших признаков архетипа «Демон», актуализованных в романе. Ужасающие сцены убийства, ожидания смерти не вызывают никаких эмоций кроме чувства всепоглощающего страха. Страх – наиважнейшая эмоция, передаваемая читателю и формирует в нем мир ужасов и страстей.

Отметим, что страх и ужас в романе персонифицированы – это некое живое существо, пробуждающееся в душе монаха. But as the hour of punishment drew near, *his former terrors revived in his heart* (3,298) *His terrors grew more lively*, his anxiety more awake (3;1112);

Имплицитно страх передается посредством таких психо-соматических реакций как: парализованность: ...the Friar's heart sank within him (2;277); This vision arrested her feet.(3;76) ...almost petrified him with horror (2,271); ... повышенное потоотделение: A cold dew flowed over his limbs(3,48); приглушенный голос: But agitation choked her voice(1,136); She cried in a voice almost choked with terror; (3;119) волосы дыбом: ...and my hair stood bristling with alarm(2,60).

В романе мы отметили объективацию следующих признаков: **одержимость, жестокость, ад, смерть, ужас**, сопряженных с когнитивными контекстами «**религия**», «**экзистенциальность**», «**чувства**».

Анализ лексикографической информации показал, что ядро архетипа сформировано интегративным признаком «злой дух» и дифференциальными семами, «**вымысленность**», «**иерархия**», «**гендерная принадлежность**», «**влияние на субъект**», «**посланник ада**», ряд из которых получил осмысление в художественном континууме «посланник ада» → **ад, смерть, ужас, «влияние на субъект»** → **одержимость, жестокость**.

Отметим также, что архетип «Демон» в художественном произведении не просто призван актуализовать ряд негативных признаков, обобщающих воззрения о демонических сущностях. Роман своего рода обличение церковной практики средневековья, где религиозность и святость уступили место показной набожности и лицемерию. Именно с этой точки зрения роман – парадокс, т.к. само название, располагающее читателя к описанию праведного, богобоящегося человека, абсолютно обманывает ожидания, и образ лживого, сластолюбца всецело занимает пространство романа.

Литература

1. Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта " вода" в текстах народного и индивидуального творчества. автореф. дис. ... канд. филол. наук, Пермь, 2006.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / Гл.ред Е. С. Кубрякова. — М.: ИЯ РАН. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. — 87 с.
3. Назиров Р. Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010. с. 155—156.
4. Мифы народов мира, энциклопедия, электронное издание, С.А.Токарев, М., Издательство «Советская Энциклопедия», 1980. — 1147 с.
5. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии, М.: ООО «Астрель»: МИФ : ООО « АСТ», 2001 . — 560 с.
6. Савельева, У. А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008.—211 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. — 656 с.
8. Скобелева Е.В., Традиция "готического" романа в английской литературе XIX и XX веков, ...автореф. канд. фил. наук, Москва, 2008. [<http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/276748.html>]
9. Энциклопедия сверхъестественных существ (ред.) Королев К., М.: Локид, Миф, 1997. — 538с.
10. Юнг, К. Г. Очерки по психологии бессознательного / К.Г.Юнг. М., Когито-Центр, 2010. — 149 с.
11. Cambridge English Dictionary – <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 10.09.2015)
12. Collins Dictionary – <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/>(дата обращения: 12.08.2016)
13. Macmillan Dictionary – <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/>(дата обращения: 12.06.2016)
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary – <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 25.05.2016)

При цитировании страницы указываются по изданию:

- (1)Matthew G. Lewis; Ambrosio: Or, The Monk. A Romance, vol. 1; London; printed by J.Davis, Chancery Lane for J.Bell; Oxford Street 1800.(5th edition);
- (2)Matthew G. Lewis; Ambrosio: Or, The Monk. A Romance, vol. 2; London; printed for J.Bell; Oxford Street 1798. (4th edition);
- (3)Matthew G. Lewis; Ambrosio: Or, The Monk. A Romance, vol. 3; London; printed for J.Bell; Oxford Street 1798 (4th edition);
- (4)Matthew G. Lewis; The Monk: A Romance ... 1st American Reprint from 10th London Ed; Princetown University; NY; 1845.

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии д.филол.н. В.Н Арутюнян.